

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2002 г.

Ю. К. КОЛОСОВСКАЯ. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. 288 с.

Почти полвека назад О.В. Кудрявцев с полным основанием назвал историю римских провинций красугольным камнем истории последних столетий античного мира¹. Тогда же (середина XX в.) в советской науке началось активное исследование Северного и Западного Причерноморья и соседних областей, что нашло свое выражение в серии монографий и множестве статей. Впоследствии интенсивность исследования указанной проблематики несколько ослабла, но Ю.К. Колосовская принадлежит к тем исследователям, которые сохранили верность избранной теме, и данная работа подводит итоги ее многолетних исследований в области истории римских провинций и окружающего их племенного мира в Балкано-Дунайском регионе.

Рецензируемая работа состоит из предисловия, десяти глав, сгруппированных в два раздела, краткого подведения итогов исследования («Вместо заключения»), указателя имен, указателя племен и народов.

В предисловии (с. 5–10) автор характеризует предмет исследования, подчеркивая, что в книге «рассматриваются две военно-политические и социально-экономические проблемы: организация дунайских провинций и история мира племен. Работа преследует цель показать римское общество на провинциальном уровне, в огромном регионе, начиная от верховий Дуная (Реция и Норик) и кончая его нижним течением (Паннония и Дакия)» (с. 5). Многообразные связи двух миров, римского и племенного, Ю.К. Колосовская предлагает рассматривать прежде всего в двух сферах, военной и торговой (с. 6). С полным основанием указывается, что «сосуществование двух миров было необходимо и закономерно, подобно наличию мира кочевников Степи для феодального строя или колониального мира при капитализме» (с. 7). Далее автор декларирует свое намерение остановиться на проблеме континуитета римского и средневекового города, культурных и правовых контактах римского и племенного миров, сущности лимеса как комплекса экономических, политических и военных взаимосвязей. В конечном счете, полагает Ю.К. Колосовская, рассмотрение указанных ею аспектов взаимоотношений позволяет «дать обобщенную картину сложных взаимоотношений в рамках античной цивилизации, развертывавшуюся в Дунайском регионе в первые четыре века нашей эры» (с. 9).

С точки зрения авторов данной рецензии, в предисловии имеется ряд неясных или спорных моментов. Так, причиной племенных миграций предлагается считать, помимо всего прочего, «внутренние силы племен, распирающие их вовне» (с. 5). Эта несколько загадочная категория нуждается в уточнении. В предисловии предупреждается, что завоевание Траяном Дакии «трактуются в работе как отход от внешней политики Рима, принципы которой были некогда заветы Августом» (с. 7). В действительности же знаменитая рекомендация Августа (*consilium coeferendi intra terminos imperii*: Tac. Ann. I. 11. 4) адресовалась исключительно его преемнику и не имела целью сковывать действия потомков. Вспомним, что за пределы «естественных границ» вышел уже Клавдий, предпринявший завоевание Британии.

Раздел первый («Племенные структуры на Рейне и Дунае») основной части работы состоит из четырех глав и начинается он с главы «Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима» (с. 11–26). Рассматривая на большом количестве примеров действие этого специфического института, Ю.К. Колосовская приходит к выводу о том, что гостеприимство (*hospitium*) вместе с «дружбой» (*amicitia*) являлось основой внешней политики Рима на Востоке и Западе, а также «инструментом для установления отношений Империи с племенами за лимесом» (с. 26). Нельзя не признать, что это очень точное наблюдение, касающееся роли отношений гостеприимства

¹ Кудрявцев О.В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н.э. М., 1954. С. 6.

в римской внешней политике. Вместе с тем можно высказать ряд замечаний. На с. 11 совершенно верно отмечается, что гостеприимство было первым шагом к возникновению международного права, но можно ли говорить, что это был *правовой институт*, и даже утверждать, что «как правовой институт оно присутствует уже во время Троянской войны» (с. 11)? Применено ли вообще понятие «право» к варварским обществам, стоящим на пороге возникновения цивилизации? Все-таки обычай – это еще не право. На с. 11–13 приводятся интересные соображения о значении гостеприимства в древности вообще и у римлян в частности, но, видимо, не совсем верно рассматривается развитие значения слов, связанных с чужеземцами. Э. Бенвенист убедительно показал, что слово «*hostis*» изначально означало не просто чужака, а человека, находящегося с кем-то в отношениях взаимных обязанностей².

Позволительно также задаться вопросом, обязательно ли гостеприимство связывает более сильную сторону с более слабой, как это утверждает автор рецензируемой работы (с. 13)? Ведь ниже (с. 20) говорится о длительных войнах Рима с *гостеприимцами* (курсив наш. – В.П., Е.С.): могут ли быть длительными войны с заведомо более слабой стороной? Указывая на с. 16, что «в число прав гостя входило и право политического убежища (асилия)», Ю.К. Колосовская приводит в качестве примера пребывание в Афинах Марка Брута после убийства Цезаря. Пример представляется неудачным в двух отношениях. Во-первых, частные лица (а в данном случае речь идет об одном из афинян, гостеприимце Брута) асильей обладать никак не могли. Во-вторых, Брут уже тогда имел вполне официальные полномочия, полученные от сената, и в убежище не нуждался³. Из текста работы неясно, можно ли считать асилью правом гостя и каким образом автор трактует асилью: как *политическое* убежище или просто убежище. Досадной неувязкой является здесь и то, что в ссылках на источники перепутаны Марк и Децим Бруты.

В данной главе (с. 19) широко используются данные Тита Ливия о ранней римской истории, но насколько они достоверны? Даже если его рассказ имеет рациональное ядро, политическую терминологию он использует ту, которая применялась в его время, и едва ли возможно принимать ее буквально для раннего Рима.

Очень часто Ю.К. Колосовская упоминает «договоры о дружбе», между тем это словопотребление вряд ли возможно. Сама она, ссылаясь на монографию В.И. Кашеева⁴, говорит о «дружбе» как о виде неформальных связей, о «слабой форме связей» (с. 25), что плохо вяжется с понятием договора, предполагающим определенные взаимные права и обязанности. Кроме того, следует отметить, что, по наблюдению А. Хойса, слова «договор» и «дружба» никогда не употребляются римскими писателями в паре: ему известен только один пример такого рода (*foedere amicitiae*: *Sil.Ital.* 17.75:)⁵.

Глава II «Племена и Рим на Рейне и Дунае в I в. до н.э. – I в. н.э.: свевы, маркоманны, херуски, даки» (с. 27–71) по объему является самой значительной в монографии и содержит большое количество интересных наблюдений и выводов. Нельзя не согласиться с идеями автора о римском факторе в племенном мире, о взаимодействии двух миров (с. 47, 49). Однако наряду с этим в данной части работы встречаются и не столь бесспорные утверждения. Так, Марк Лоллий причислен к талантливым полководцам Августа (с. 27) совершенно напрасно: этот римский сановник больше всего «прославился», помимо своего лихоимства, поражением, которое потерпел от вторгшихся в Галлию сугамбров в 16 г. до н.э., особенно позорным из-за того, что противник захватил орла V легиона. На протяжении всей главы завоеватель Германии Друз Старший, пасынок Августа, именуется Цезарем Друзом (с. 27, 41, 49, 51), причем в последнем случае сообщается, что он «погиб в 9 г. н.э. в германских землях, воюя между Рейном и Эльбой». Здесь следует отметить, что Цезарем Друзом звали Друза Младшего – родного сына императора Тиберия и племянника Друза Старшего. В род Юлиев и Тиберий, и его сын вошли в результате усыновления в 4 г. н.э. Что же касается покорителя Германии, то он от рождения и до смерти принадлежал к роду Клавдиев и полное его имя – Друз Клавдий Нерон. После его трагической гибели (в 9 г. до н.э., а не н.э., как ошибочно указано на с. 51) сенат посмертно даровал ему почетное имя «Германик», которое не следует путать с личным

² См. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 77 сл.

³ См. Raubitshek A.E. Brutus in Athens // Phoenix. 1957. Vol. 11. P. 1–11; Парфенов В.Н. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. № 3. С. 53 сл.

⁴ Кашеев В.И. Эллинистический мир в Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993.

⁵ Heuss A. Die völkerechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. Aalen, 1968. S. 12.

именем его сына⁶. В отношении Ариовиста Ю.К. Колосовская пишет, что римляне «наблюдали за его действиями в Галлии, так как они угрожали римским позициям и на юге этой провинции, которую они считали своей (provincia postea)» (с. 30). Здесь под «этой провинцией» автор монографии явно подразумевает всю Галлию, завоевание которой римлянам еще только предстояло. Под «нашей провинцией» Цезарь в своих «Комментариях» имеет в виду Галлию Нарбонскую, получившую статус провинции еще при Гн. Домиции Агенобарбе, консуле 122 г. до н.э., находившемся там по 117 г. до н.э.

Рассматривая военно-экономические причины крупных племенных миграций, Ю.К. Колосовская с полным основанием указывает, что одной из таких причин была борьба за обработанную землю, которой остро не хватало в покрытой тогда лесами и болотами варварской Европе. Далее автор замечает: «Но это была не единственная причина переселения народов. В основе ее лежали также внутренние силы племени, трудно определимые конкретно в настоящее время. Эти причины зависели и тогда, и сейчас, от нравственно-психологических свойств того или иного народа. Так, продвижение свевов к Рейну в конечном счете было следствием физического и материального превосходства племени. Можно сказать, его провоцировала внутренняя сила племени, заставлявшая его сниматься с места и проходить через огромные пространства, сокрушая при этом другие народы или включая их в состав своей мощной лавины» (с. 37). Здесь видна неудовлетворенность исследователя сугубо материалистическим пониманием истории, однако предложить что-то иное Ю.К. Колосовская явно затрудняется. Достаточно сомнительным представляется и тезис о том, что «свевами в древности назывались единая большая группа племен Европы, а все другие народы находились под их властью» (с. 33) – нам кажется более приемлемой традиционная точка зрения о принадлежности свевов к германской этнической общности⁷. Причислять же свевов к славянам и, таким образом, делать Ариовиста славянским вождем (с. 34) – это еще более рискованное занятие. Из дальнейшего повествования неясно, кто же такие маркоманны? То они выступают как «свевское племя» (с. 4), то Друз воюет с племенами херусков, хаттов, свевов и маркоманнов (с. 41).

В информации об антиримском восстании под руководством Арминия содержится ряд неточностей. Так, утверждается, что «против Рима сложилась коалиция свевских и германских племен – Арминия и Маробода... Сначала Арминий и Маробод действовали совместно, но скоро пути их разошлись» (с. 42). Автор, видимо, не учитывает того обстоятельства, что римляне заключили мир с Марободом еще в 6 г. н.э., в начале Великого иллирийского восстания. Нет никаких данных о том, что царь маркоманнов этот мир нарушил: во всяком случае, когда позднее он обратился к Риму за помощью как раз против Арминия, в таковой ему было отказано под тем предлогом, что в свое время он ничем не помог римлянам в борьбе против того же самого врага (Тас. *Ann.* II. 46. 5). Здесь нелишне вспомнить и о том факте, что отрубленную голову Квантилия Вара Арминий отослал Марободу именно для того, чтобы побудить последнего тоже выступить против Рима, но этот жуткий «дипломатический дар» успеха не имел – Маробод ограничился тем, что передал голову Вара римлянам (*Vell.* II. 119. 5). Утверждение о том, что место гибели легионов Вара в Тевтобургском лесу не установлено (с. 42), устарело: к настоящему времени оно точно локализовано в урочище Калькризе, в 16 км от Оснабрюка (Вестфалия)⁸.

Вызывает недоумение такое положение: «Под его (Маробода. – В.П., Е.С.) пятой находилось объединение племен, скреплявшееся, очевидно, самой идеей царской власти, подоб-

⁶ См. *Парфенов В.Н.* «Злая мачеха дома Цезарей» // АМА. 1993. Вып. 9. С. 181; 185; *он же.* Юлии или Клавдии: Август и проблема наследования принципата // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 1999. Вып. 6. С. 93 слл.

⁷ СИЭ. 1969. Т. 12. Стб. 593; *Schönfeld.* Suebi // RE. 1931. 2. R. Hbd 7. Sp. 564–579; *Cüppers H.* Suebi // Der Kleine Pauly. München, 1979. Bd 5. Sp. 408–409; *Berger-Haas L.* Sueben // Lexikon der Alten Welt. Augsburg, 1995. Bd 3. Sp. 2944.

⁸ Назовем лишь некоторые работы из уже обширной литературы по этому вопросу: *Lehmann G.A.* Zur historisch-literarischen Überlieferung der Varus-Katastrophe 9 n. Chr. // *Boreas.* 1990. Bd 15. S. 145–164; *Berger F., Franzius G., Schlüter W., Wilbers-Rost S.* Archäologische Quellen zur Varusschlacht? Die Untersuchungen in Kalkriese, Stadt Bramsche, sowie Venne und Schwagstorf, Gemeinde Ostercappeln. Landkreis Osnabrück // *AW.* 1991. Bd 22. S. 221–234; *Kalkriese: Römer in Osnabrücker Land.* Archäologische Forschungen zur Varusschlacht / Hrsg. von W. Schlüter. Bramsche, 1993; *Berger F.* Kalkriese 1. Die römischen Fundmünzen. Text und Tafeln. Mainz am Rhein, 1996; *Vogt U.* Rom, Germanen und die Ausgrabungen von Kalkriese. Internationaler Kongress von 2–5 September 1996 in Osnabrück. Tagungsbericht // *EAZ.* 1997. Bd 38. S. 247 ff.; Рим: эхо имперской славы / Пер. с англ. М., 1997. С. 129 слл.; *Парфенов В.Н.* Последний бой легионов Вара? (древняя история и новейшая археология) // ВИИП. 2000. Вып. 4. С. 10–23.

ной власти Августа или Ариовиста» (с. 44). Прежде всего, некорректно отождествление власти римского принцепса и вождя союза племен. Затем, едва ли следует именовать власть Августа царской. Наконец, неясно, каким образом одна только идея царской власти могла скрепить варварские племена, не будучи подкреплена что-то гораздо более ощутимым. На с. 46 утверждается, что «возможно, херусками не воспринималась сама форма правления – царская власть». Это явно противоречит упомянутому на той же странице сообщению Тацита о том, что они сами просили Рим дать им царя (речь идет об Италике, племяннике Арминия, сам эпизод относится ко времени правления Клавдия).

Упомянув о том, что разгром боев даками Биребисты «датируется различно: 60-е и 40-е годы I в. до н.э.» (с. 56), на следующей странице автор без какого-либо обоснования приводит точную датировку этого события – 52 г. до н.э. Повествуя далее о Биребисте, Ю.К. Колосовская констатирует: «Он развернул также широкую дипломатическую активность, войдя в союз с Помпеем, который после победы над Цезарем при Диррахии пребывал в Македонии. Возможно, царь состоял в союзе с Ариовистом, весьма опасном для Цезаря» (с. 57). Предположение о союзе Биребисты с Ариовистом представляется совершенно произвольным: последний, как известно, был разгромлен Цезарем в 58 г. до н.э., бежал за Рейн и навсегда исчез с исторической арены, тогда как контакты Помпея с Биребистой относятся к 49–48 гг. до н.э.

Заслуживает внимания оценка подвига наместника Македонии М. Лициния Красса (внука триумвира), который в единоборстве убил вождя бастарнов Дельдона: «Юпитеру Феретрию приносилась в таком случае благодарственная жертва, а снятые с царя доспехи (*spolia orima*) помещались в храм. За такой воинский подвиг полагался триумф от сената, а сам полководец мог быть провозглашен императором на поле боя своими воинами. Но победный титул "императора" Красс не получил, поскольку это означало бы умаление политического авторитета Августа» (с. 61). Здесь же (прим. 58) утверждается (со ссылкой на авторитет Н.А. Машкина, Ж. Пикара и Э. Корнемана), что, начиная с 40 г. до н.э., почетный титул «император» был узурпирован Октавианом и другим полководцам не присуждался. Этот пассаж оставляет читателя в недоумении, были ли в данном случае принесены Юпитеру Феретрию «пышные доспехи» (*spolia orima*), отпраздновал ли Красс триумф и имела ли место его императорская аккламация на поле боя. В действительности дело обстояло следующим образом: разгромивший бастарнов Красс получил императорский титул и отпраздновал триумф (то и другое засвидетельствовано документально), однако поднесение им Юпитеру вражеских доспехов не состоялось, как нетрудно догадаться, из-за противодействия Августа⁹. Что же касается узурпации императорского титула правителем Римской державы и того факта, что «во времена Империи полный триумф полагался только императору» (с. 63), а прочие военачальники обходились триумфальными отличиями (*ornamenta triumphalia*), то это верное в принципе положение нуждается в уточнении. Такая практика сложилась далеко не сразу: во времена второго триумвирата и в начале принципата легаты триумвиров и Августа могли получать (и получали!) императорскую аккламацию и триумф, но лишь с разрешения своего высшего начальника, под чьими ауспциями они вели боевые действия¹⁰. Последняя аккламация полководца, не принадлежавшего к императорскому дому, состоялась в 23 г. н.э., ее с разрешения Тиберия был удостоен проконсул Африки Юний Блез, дядя временщика Сеяна (Тас. Анн. III. 74. 4).

Подводя итоги анализа взаимоотношений Рима с племенами на Рейне и Дунае, Ю.К. Колосовская утверждает, что «эта политика строилась на нейтрализации грубой физической силы племен и одновременно на агрессивных устремлениях римлян – противостоять движениям племен, ограничив их пределы руслами крупных рек Европы» (с. 79). Здесь остается непонятным, почему противодействие движению племен автор относит к «агрессивным устремлениям». Неясно также, в чем проявлялось «активное стремление племен участвовать в большой римской политике» (там же). Все-таки, при всех связях римских провинций и центра с варварским миром, племена жили своей жизнью и в первую очередь собственными интересами. До большой римской политики, если только они не оказывались ее объектом, им едва ли было дело.

Глава III монографии (с. 72–97) посвящена завоеванию Дакии императором Траяном. В современной отечественной историографии это первый опыт такого рода, и его можно

⁹ См. Парфенов В.Н. Марк Лициний Красс и «третий триумvirат» Октавиана // Культура и цивилизация: вопросы теории и истории. Нижний Новгород, 1998. С. 218–227.

¹⁰ Schumacher L. Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die *auspicia* des Augustus // Historia. 1985. Bd 34. Ht 2. S. 206–209.

признать вполне удачным: ход военных действий изложен на основе всех доступных источников, широко использованы топографические данные. Однако и здесь не обошлось без загадочной сентенции: «Мы не можем убедительно ответить на вопрос о причинах Дакийских войн в силу как ограниченности источников, так и современной нравственно-политической оценки этого события как развязанной Римом большой внешней войны... Мы вправе задавать себе вопросы, на которые не получим однозначного ответа» (с. 72). Но далее в главе вполне убедительно раскрываются причины, побудившие Траяна (который, кстати, до его усыновления Нервой был наместником на Нижней, как указано в книге (с. 73), а Верхней Германии) предпринять завоевание Дакии. Нельзя не согласиться с тем, что Траян должен был испытывать мощное давление со стороны римского общественного мнения, ожидавшего от нового императора громких военных успехов, которые компенсировали бы внешнеполитические неудачи Домициана.

К этому можно добавить, что у Траяна, в сущности, не оставалось выбора: профессиональный военный и в то же время первый император не только не римского, но даже не италийского происхождения, он должен был доказывать свое право на императорскую власть вновь и вновь всеми доступными ему способами. Нет ничего удивительного в том, что он воспользовался традиционным рецептом: с незапамятных времен ничто так не действовало на умы и сердца римлян, как военные победы.

Глава IV монографии носит название «Маркоманские войны» с племенами на Дунае» (с. 98–127). Серия военных кампаний при Марке Аврелии с полным основанием трактуется как перелом в противостоянии Римской империи и варварских племен Центральной Европы. Правда, при этом, как представляется, преувеличена роль славян, которые объявляются «неотъемлемой частью античной цивилизации», оказавшей большое влияние на развитие ее мира (с. 123), невзирая на сделанную чуть ранее оговорку о том, что речь идет о праславянах, а сам этноним «славяне» появился позднее (с. 116).

По мнению Ю.К. Колосовской, отношения племен и Рима в I в. н.э. оставались «относительно стабильными» (с. 98). Можно ли назвать стабильностью постоянные войны, восстания, которые проходят через весь этот век? Скорее есть основания полагать, что тогда Риму удавалось в целом эффективно устранять возникавшую на варварской периферии угрозу своим интересам и даже порой возобновлять внешнеполитическую экспансию. Некоторое удивление вызывает и заключительная фраза этой главы: «Можно уверенно считать, что Маркоманские войны были преддверием или даже началом Великого переселения народов в IV–VI вв.» (с. 127). Надо иметь очень веские основания для пересмотра традиционной датировки. В данном случае мы таких оснований не видим.

В главе V (с. 128–157) рассматриваются войны Рима с племенами на Дунае в III в. н.э., которые в конечном счете привели к эвакуации римского населения Дакии и оставлению этой провинции. Кроме осмещения боевых действий, занимающего здесь довольно скромное место, автор дает собственную трактовку ряда вопросов этнической истории придунайских племен. По мнению автора, «для III в. характерной чертой стало столкновение двух тенденций: усиления вторжения племен в римские пределы и в то же время появления центробежных сил в самом римском мире. Обе эти тенденции были взаимосвязаны» (с. 128). Разумеется, с этим нельзя не согласиться, однако было бы желательно отметить, какая из них была первичной и каким образом они были связаны между собой. Вместо этого Ю.К. Колосовская переходит к информации о конкретных событиях. Обобщение этого материала в конце главы тоже вызывает вопросы. Так, утверждается, что «перемещение племен, их контакты с Римом и с другими племенами... подчинялись объективным внутренним законам племенного мира, обусловленным физической (грубой) и моральной силой племен» (с. 156). Если о сущности грубой физической силы еще можно догадаться, наличие морального превосходства у варваров, вторгавшихся на чужие территории с целью убивать и грабить, выглядит весьма спорным.

Досадным недоразумением выглядит пассаж о Максимиане Фракийце, который был убит в 238 г. в 65-летнем возрасте – вначале указано, что он был принят на римскую службу в правление Септимия Севера (т.е. после 193 г.), а в следующей фразе говорится: «в римскую армию мог поступить в 172 или 173 г., т.е. во время Маркоманских войн» (с. 134). Получается, что в армию он был зачислен сразу после рождения, в бытность свою грудным младенцем.

Эвакуацию Дакии Ю.К. Колосовская трактует как показатель слабости Римской империи, сдавшей здесь свои позиции перед варварским миром, и это справедливо. Но возможно усомниться в том, что римляне тем самым решили «отказаться от сферы своих интересов за Дунаем» (с. 157), ведь несколько выше (с. 152–155) она же пишет, что Константин и его преемники активно стремились поставить дунайское левобережье под свой контроль и в общем

добились этого. Таким образом, было бы точнее сказать, что и в осложнившихся условиях Рим стремился отстаивать свои внешнеполитические интересы. Успех же этих действий зависел от соотношения сил в конкретный период. В этом отношении история с оставлением Дакии напоминает утрату зарейнской Германии после поражения Вара, когда Рим от стратегии массированных вторжений перешел к гибкому сочетанию военной силы и дипломатии.

Второй раздел монографии именуется «Римский город и торговля на дунайском лимесе». Он, как и первый, состоит из пяти глав и в целом выглядит более фундаментально, чем предыдущий: заметно, что именно эти проблемы относятся к числу научных приоритетов автора.

Глава VI (с. 158–185) посвящена торговле римлян с племенами на Дунае и Рейне. обстоятельно рассмотрев характер торговых связей приграничных провинций с варварами, Ю.К. Колосовская делает важный вывод, что экономика придунайских городов была в значительной степени ориентирована на варварский мир, который тоже был заинтересован в торговле с римлянами (с. 185). В книге особо подчеркнута роль лимеса в системе многообразных связей империи и варваров.

Глава VII (с. 186–217) называется «Города Дакии и их социально-экономическая структура». Здесь автор обращает внимание на роль всадничества в общественной и хозяйственной жизни римской Дакии и корпоративный характер этого социального слоя. По мнению автора, хотя остатки прежнего населения Дакии могли найти убежище в горах, в целом этнический облик страны после римского завоевания изменился радикальным образом. Если первоначально в римских колониях были поселены ветераны из западных провинций, то затем стали преобладать переселенцы с греческого Востока. Местное общество и его культура являлись собой типично римский образец провинциальной жизни (с. 214 слл.)

В главе VIII («Муниципализация рудничного округа Дакии», с. 218–231) с полным основанием указывается, что природное богатство Дакии и особенно золотые рудники стали не последней причиной ее завоевания римлянами. На основе анализа документов из рудничных поселков делается вывод о развитой хозяйственной деятельности различных слоев населения провинции и о том, что на рудничных территориях действовали те же правовые нормы, что и на городских землях.

В главе IX («Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии», с. 232–251) подробно рассматриваются данные о ряде наместников этой придунайской провинции. В частности, упоминается Севериан, наместник Верхней Дакии в 152–153 гг., консул 153 г., правитель Каппадокии в 161 г. После разгрома его войска парфянами он покончил жизнь самоубийством. Севериан интересен не только тем, что удостоился язвительного упоминания Лукиана, назвавшего его «безмозглым галлом», но и тем, что представляет собой редкий пример сенатора и крупного чиновника провинциального происхождения. В музее г. Пуатье экспонируется найденная в 1977 г. надпись в его честь (АЕ 1981. № 640); очевидно, Севериан был уроженцем города пиктонов. В конце главы автор подчеркивает, что наместник должен был обладать гражданскими и военными доблестями, т.е. быть компетентным во всех сферах жизни вверенной ему провинции. Затем, правда, следует немного странный вывод: «Но сам наместник как лицо, зависимое от императора, был в известной степени обделен правами и подвержен различным изменениям, происходившим в императорском доме» (с. 251).

Одной из самых интересных в монографии является последняя глава («Позднеримский город в Норике в описании Евгиппия»). Хотя, строго говоря, ее материал (вторая половина V в.) выходит за заявленные хронологические рамки исследования, это представляется оправданным – здесь Ю.К. Колосовская рисует впечатляющую картину угасания провинциальной жизни на закате римской цивилизации.

В заключительной части книги (с. 270–272) указывается, что именно в дунайских провинциях «произошло непосредственное и тесное взаимодействие римского мира и мира племен». Автор подчеркивает, что во времена Римской империи термин «варвары» понимался иначе, чем у греков: это были уже не люди, созданные для рабства, а иной мир, не менее, а затем и более сильный, чем римский, и оба этих мира были тесно взаимосвязаны.

К сожалению, хотя книга иллюстрирована (правда, не всегда к месту: непонятно, например, какое отношение к рассматриваемым в ней сюжетам имеет мозаика «Вергилий и музы» – с. 129, рис. 8), она не содержит подробных карт (кроме двух общих карт на внутренних сторонах обложки) и схем военных действий, анализ которых занимает между тем видное место в работе.

Завершая обзор содержания монографии Ю.К. Колосовской, констатируем, что книга представляет вниманию читателя ряд интересных проблем и предлагает подчас оригинальные, хотя и небеспорные, пути их решения. Разумеется, создавая столь впечатляющую по гео-

графическим и хронологическим параметрам картину в рамках сравнительно небольшой монографии, Ю.К. Колосовская не могла с одинаковой полнотой исчерпать все затронутые сюжеты. Так, тема «континуитета и дисконтинуитета городов Римской империи» (с. 7) практически затронута лишь вскользь в последней главе. Подчас серьезный анализ заявленной проблематики подменяется повествованием о тех или иных событиях: в особенности там, где речь идет о прирейнском регионе, менее знакомом автору, чем Придунавье. Мелкие погрешности работы уже указаны выше. Однако в целом книга должна быть расценена вполне положительно, и можно не сомневаться, что ее выход в свет должен вновь привлечь внимание исследователей к поднятым в ней проблемам.

В.Н. Парфенов, Е.В. Смыков

© 2002 г.

Л.А. ПАЛЬЦЕВА. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 304 с.

Так уж сложилось, что книги по истории древней Греции доэллинистического времени – это прежде всего книги по истории Афин. Город Паллады как бы затмевает своей славой все прочие древнегреческие полисы. Подобный «афиноцентризм» имеет, конечно, свои объективные основания: вклад афинян в развитие античной цивилизации воистину грандиозен. И все-таки у этого подхода не может не быть весьма существенных издержек: он скрывает, затушевывает тот фон, на котором сложилось и выросло «афинское чудо», фон, может быть, не столь блестящий, но абсолютный необходимый для правильного и многостороннего понимания целого.

Афиноцентрическая тенденция характерна и для отечественного антиковедения. Даже первая на русском языке монография Л.Г. Печатновой по истории Спарты: появилась совсем недавно. Что уж говорить о таких полисах, тоже значительных и известных, как Коринф, Самос и Сиракузы? Нельзя, конечно, сказать, что мы совершенно не располагаем монографическими работами о полисах «второго порядка». Есть книги М.М. Кобылиной о Милете, В.П. Невской о Византии, но они смотрятся скорее как случайные (к тому же довольно давние) исключения из общего правила. Есть обширная литература о греческих колониях Северного Причерноморья, но это отдельная тема, всегда остававшаяся приоритетной для русских исследователей античности. Что же касается Балканской Греции, то тут нам похвастаться попросту нечем.

Тем больший интерес вызывает книга Л.А. Пальцевой, посвященная ранней истории Мегар. Справедливости ради следует сказать, что Мегарам вообще повезло в историографии. О них написано больше, чем даже о таких крупных центрах, как, например, Фивы и Аргос; только в XX в. на Западе вышли три монографии о мегарском полисе¹. Считается, что это много, хотя об Афинах за тот период появились сотни, если не тысячи книг. И все же Мегары нельзя считать обделенными вниманием ученых. На то есть особые причины.

Судьба Мегар – крайнего северо-восточного форпоста пелопоннесских дорийцев – во многом уникальна. Уникальность эта во многом проистекала из географического положения города, в котором позитивные и негативные факторы настолько переплелись, что трудно сказать, каких было больше. Мегарские владения располагались на узком Истмийском перешейке, соединяющем Пелопоннес с остальной Грецией. Отсюда – проходившие через территорию полиса торговые пути общегреческого значения, что не могло не приносить дохода, но отсюда же – и крайняя уязвимость для вторжений извне: сколько раз в течение античной истории через Мегариду то в одну, то в другую сторону проходили войска, опустошая сельскую местность!

¹ *Highbarger E.L.* The History and Civilization of Ancient Megara. Baltimore, 1927; *Hanell R.* Megarische Studien. Lund, 1934; *Legon R.P.* Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. Книгу Легона – самую новую из перечисленных и являющуюся в определенной степени последним словом западной историографии по «мегарскому вопросу» – следует отметить особо. К сожалению, автор рецензируемой монографии использует эту работу в значительно меньшей степени, чем она того заслуживает.